

Н. В. Долгова

Концепт «знаменитость» в русскоязычных романах В. В. Набокова *

В статье анализируются ассоциативно-смысловые ряды концепта «знаменитость» в русскоязычных романах В. В. Набокова, в которых распространен мотив селебрити. Актуальность материала обусловлена необходимостью выявления существенных характеристик данного концепта в информационной реальности художественного типа. Цель исследования заключается с учетом его массмедийной трактовки в определении объема понятия «знаменитость», объем которого включает героев-творцов, обладающих даром создавать «бессмертные» произведения. Подобные герои наделяются перманентной славой, не зависящей от смены поколений, политических и культурных парадигм. Материалы исследования доказывают, что знаменитость находится в центре обсуждения, заполняет информационное пространство, продуцируя информационные поводы. Заданность рассматриваемого концепта определяется образами массмедиа, участвующими в ретрансляции славы и создающими конкретному социальному субъекту имя. Образы массмедиа — газет, журналов, кинематографа, радио, распространены в набоковских романах в качестве образов мира вещей и выполняют сюжетобразующие функции. В статье представлена оценка влияния концепта «знаменитость» на формирование ценностных установок и эмоциональных сплавов набоковского художественного мира. Включенность известных имен в «обывательский» дискурс, а также массмедийные оценки, претендующие на знание и толкование Истины, но не приближающиеся к ее постижению, маркируются сатирически. Вместе с этим природа образов массмедиа у Набокова амбивалентна: отсутствие упоминаний в СМИ служит индикатором бесталанности или иссякшего таланта, так как длительность жизненного цикла произведения находит отражение в медиаполе и определяет меру одаренности героя-творца.

Результаты исследования можно использовать при изучении литературы XX века, особенностей творчества Набокова, специфики и форм взаимодействия литературы и журналистики.

В. В. Набоков; концепт; литература XX века; массмедиа; медийность; мотив; селебрити; художественный мир

Введение

В качестве сложного феномена концепт «знаменитость» привлекает внимание не только философов, логиков, психологов, социологов, специалистов по междисциплинарным исследованиям, но и находится в эпицентре филологических штудий. Научная традиция осмысления концепта как органичной части художественного мира возникает с Д. С. Лихачёва, который видел в нем «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачёв, 1997, с. 35]. О соотношениях концепта и образа/мотива в мире литературного произведения было высказано немало интересных суждений (их обширный корпус приведен в монографии Н. В. Володиной [Володина, 2010]), но одним из самых емких, на наш взгляд, является высказывание И. А. Тарасовой: «Концепт же, скорее, “задан”, а не “дан”, мы реконструируем его по тексту, по следам его репрезентации, но никогда не можем его охватить в полном объеме. Средствами репрезентации концепта считаются ключевые слова, синонимические ряды, словообразовательные гнезда, семантико-ассоциативные поля имени концепта и другие парадигматические группировки лексики. При этом сам концепт — единица ментального плана. Непосредственно в тексте он не присутствует» [Тарасова, 2009, с. 265].

* Долгова Н. В. Концепт «знаменитость» в русскоязычных романах В. В. Набокова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 115–128. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.012>

В настоящей статье мы будем ориентироваться на определение, данное Володиной в упомянутой выше монографии, согласно которому «концепт — это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [Володина, 2010, с. 19]. В художественном мире, таким образом, функционирует система концептов, в которой выделяются «ядерные»/ключевые группы, концепты ближней и дальней периферии. Кроме этого, сам концепт по определению имеет структурную природу, он многослоен и неоднороден.

Работы, посвященные концептосфере писателя, немногочисленны (например, Ю. В. Головнёвой, Т. А. Голиковой, Н. А. Чернявской и др.), и в них, как правило, дается характеристика определенному концепту.

Концепт «знаменитость» не стал набоковским изобретением, будучи, скорее, порождением индивидуально-авторской стадии литературного процесса рубежа XVIII–XIX веков, но получил у него, как у писателя XX века, сплав новых сущностных характеристик. Его устойчивость в творчестве Набокова обусловлена и социально-историческими, и биографическими факторами. В самом деле, XX век с мощным развитием эстетик модернизма и постмодернизма, а главное с его техническими преобразованиями, дал возможность упрочиться феномену знаменитости, или селебрити, детерминировав оформляющие его мотивы популярности, признанности, прославленности следующим условием: знаменитость функционирует при помощи системы массмедиа. Кроме прессы как одного из главных массмедийных каналов, Набоков вводит в художественный мир образы упрочившихся в XX веке реалий: кинематографа, радио, рекламных изданий и т. д.

Герой-селебрити является источником, деформирующим массмедийное поле, весьма значимое в социально-культурной системе XX века. Героями набоковских произведений становятся знаменитости и лидеры общественного мнения, которые, как правило, участвуют в создании социальных представлений, их образы заполняют информационное пространство. Справедливо указано, что «среди литературных концептов значительное место занимают “персонажные” концепты, осмысление которых привело современную науку к идее существования “персоносферы”» [Володина, 2010, с. 20].

Факты набоковской биографии свидетельствуют, по крайней мере, о благосклонном отношении к феномену собственной известности. Например, в «американский» и второй, «европейский», творческие периоды писатель не раз демонстрирует персональную склонность к тиражированию своей совершенно заслуженной славы, обусловленной во многом выходом в свет романа «Лолита»: он охотно дает интервью, ведет переписку с кинорежиссерами, участвует в создании сценариев по своим произведениям, некоторые из которых экранизированы при его жизни («Лолита», реж. С. Кубрик, 1962; «Смех в темноте», реж. Т. Ричардсон, 1967; «Король, дама, валет», реж. Е. Сколимовский, 1972). «Журналисты, — замечает Б. Бойд, — по-прежнему стояли в очередях за фотографиями и афоризмами» [Бойд, 2010, с. 481].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления аспектов существования концепта «знаменитость», традиционно функционирующего в масс-медийной среде, в информационной реальности художественного типа. Цель исследования заключается в выявлении объема понятия «знаменитость» в художественном мире В. В. Набокова с учетом его массмедийной трактовки. В задачи исследования входит:

- 1) изучение ассоциативно-смысловых рядов концепта «знаменитость» в русскоязычных романах Набокова;
- 2) выявление роли образов/мотивов массмедиа в репрезентациях данного концепта;
- 3) характеристика функциональной роли концепта «знаменитость» в формировании ценностных установок и эмоциональных сплавов набоковского художественного мира.

В анализе мотивов медийности, селебрити и образов СМИ представляется оправданным обращение к некоторым базовым понятиям теории журналистики, без которых сущностные черты упомянутых мотивов не могут получить целостную характеристику.

Для анализа концепта «знаменитость» взяты русскоязычные романы Набокова: «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Подвиг», «Камера обскура», «Отчаяние», «Дар» и «Лолита».

Основная часть

Предваряя рассмотрение репрезентаций концепта, укажем в целом на распространенность мотива «знаменитого человека» в произведениях писателя. Вот несколько примеров. Отец Годунова-Чердынцева (роман «Дар») в оценках современников предстает как «знаменитый русский путешественник Годунов». Некрасов в романе о Чернышевском, который пишет сам Федор Годунов-Чердынцев, назван «знаменитым поэтом, уклонившимся от свидания с узником». «Действительно знаменит» шахматист Лужин («Защита Лужина»). В романе «Отчаяние» главный герой Герман Карлович убеждает свою будущую жертву Феликса наняться к нему на работу с помощью следующего аргумента: «Есть даже особые организации, занимающиеся тем, что знаменитостям подыскивают двойников» [Набоков, 2004, т. 3, с. 449]. Отец Мартына Эдельвейса (роман «Подвиг») «врачевал кожные болезни, был знаменит». В романе «Король, дама, валет» главные герои (актеры любовного треугольника) идут в варьете, а в программке этого мероприятия упомянут «всемирно знаменитый волшебник» и т. д.

Изучение концепта «знаменитость» как единства сущностных характеристик позволило обнаружить присущие ему особенности.

Мотивы Дара, Бессмертия и Славы в репрезентации концепта «знаменитость»

Компонентами персониферы у Набокова часто выступают герои-знаменитости, являющиеся носителями сокровенного и сакрального знания, которое позволяет им создавать нечто живущее в веках. Знаменитость становится соположенной Творцу и посвященной в Истину, приобщенной к полному восприятию и ретрансляции неких универсальных законов: «В эти первые минуты он [Лужин] еще только успел почувствовать острую радость шахматного игрока, и гордость, и облегчение, и то физиологическое ощущение гармонии, которое так хорошо знакомо творцам» [Набоков, 1999, т. 2, с. 437].

В художественном мире Набокова в объем понятия «знаменитость» входят мотивы посвящения, дара, таланта, исключительности, необычности, причем такой герой, несмотря на свой статус, может игнорировать общение с окружающими, достаточно упорно занимаясь выбранной им деятельностью (таковы шахматист Лужин, отец и сын Годуновы-Чердынцевы, поэт Кончеев и писатель Владимиров). Знаменитостей в набоковской вселенной можно сравнить с феноменом черной дыры, область которой скрыта, но наделена сверхмощным гравитационным полем, воздействующим на окружающую ее материю. Неслучайно, что знаменитые герои, как правило, выполняют сюжетобразующие функции. В набоковском мире мы видим апологию художественного таланта художника, артиста, писателя, шахматиста, композитора, обладающих бессмертным даром, создающих не только новости, но и события — иллюзию, виртуальную реальность, восхитительную грезу. Поэтому на метауровне концепт «знаменитость» объединяет все произведения Набокова, создавшего некий «клуб» творцов, разных по характеру, этическим принципам и жизненному кредо. Так, на одном полюсе у писателя размещены миры Годунова-Чердынцева и Лужина, а на другом — шутовская вселенная «талантливейшего карикатуриста» Роберта Горна и известного драматурга Клэра Куильти, а также «лиловая и черная Гумбрия» Гумберта Гумберта, который обессмертил Лолиту. Писателем предусмотрены особые «отношения искусства и действительности», согласно которым жизнь только подражает художественному вымыслу. Объем понятия «знаменитость» включает способность героя вести игру / создавать новую реальность / вводить в заблуждение / мистифицировать, а сам художник предстает как фокусник, иллюзионист, игрок. Федор Годунов-Чердынцев тратит «все свои силы на преследование бесчисленных существ, мелькавших в нем, словно на заре в мифологической роще...» [Набоков, 2000, т. 4, с. 267]. Как отмечает О. Скопечная в предисловии к английскому переводу романа [«Защита Лужина»], «Набоков “рифмует” имя героя с “illusion”» [Скопечная, 2004, с. 706]. Писатель подчеркивает значимость нематериального наследия как гораздо более важного для будущих поколений, чем чего-то утилитарного и материально-прикладного.

В концепте «знаменитость» следует выделить пушкинский мотив, присутствующий, например, и в «Памятнике» («Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...»), и в «Евгении Онегине» («Быть может (лестная надежда!) / Укажет будущий невежда / На мой прославленный портрет / И молвит: то-то был поэт!)). Кроме этого, знаковое для понимания рассматриваемого денотата «смысловое пятно» восходит к мотивной структуре “Sonnets pour Héléne” («Сонеты к Елене») Пьера Ронсара: художественный дар лирического героя делает возлюбленную бессмертной. Например, в сонете “Afin qu’à tout jamais de siècle en siècle vive” на подобное бессмертие указывает строка “Longtemps après la mort je vous ferai revivre” [Ronsard] («Еще долго после смерти я Вас буду

возрождать»). Ронсаровский мотив присутствует в рефлексиях главного героя Годунова-Чердынцева по отношению к собственному творчеству: «Но что мне внимание при жизни, коли я не уверен в том, что до последней, темнейшей своей зимы, дивясь, как ронсаровская старуха, мир будет вспоминать обо мне?» [Набоков, 2000, т. 4, с. 216]. Источником этих размышлений стал сонет из вышеуказанного цикла “*Quand vous serez bien vieille, au soir, à la chandelle*”. В нем упоминается служанка, которая, узнав, что ее старая хозяйка была предметом поэтического восхищения Ронсара, «благословляет ее имя бессмертной похвалой» (“*Bénissant votre nom de louange immortelle*” [Ronsard]). А. Долинин приводит набоковский перевод данного сонета (в нем эта строка приняла следующий вид: «...вы, озарённая моим бессмертным даром») и отмечает, что «упоминание об этом сонете связано с заданной в нем темой “бессмертного дара”, ключевой для романа» [Долинин, 2000, с. 643]. Так и Лужин на турнире «сыграл партии, уже тогда названные бессмертными». «О спасении в искусстве» как о «единственном бессмертии», разделенном с Лолитой, говорит Гумберт. «Вождею бессмертия, — хотя бы его земной тени!», — замечает Годунов-Чердынцев. Бессмертие в романе «Дар» предстает в качестве перманентной славы, не зависящей от смены поколений, политических и культурных парадигм.

Слава длится вечно, если у созданного артефакта бесконечный жизненный цикл. Так, Лужин, полностью ушедший из шахматной, а впоследствии и из реальной жизни, останется жить в «тысяче партий, сыгранных им когда-то» [Набоков, 1999, т. 2, с. 459]. Степень одаренности, по Набокову, проверяется временем, интенсивностью непрерывающегося внимания. Частота упоминания в медиа и есть оценка произведения, даже если упоминания негативны. Например, в романе «Дар» в рецензиях на современное произведение, включенных Набоковым в повествование, появляется имя Пушкина (а Пушкин — это тот идеал, ориентируясь на который, строится вся этическая подсистема романа), и даже «бранчливые критики» становятся критерием витального пушкинского творчества. Характерной является и реакция критиков на роман «Жизнь Чернышевского»: «...вокруг книги создалась хорошая, грозная атмосфера скандала, повысившая на нее спрос, а вместе с тем, несмотря на нападки, имя Годунова-Чердынцева сразу, как говорится, выдвинулось и, поднявшись над пестрой бурей критических толков, утвердилось у всех на виду, ярко и прочно» [Набоков, 2000, т. 4, с. 484]. Таким образом, знаменитость находится в центре обсуждения, она постоянно фигурирует в информационном пространстве, не перестает инициировать инфоповоды.

Интересен в художественном мире писателя и феномен еще не раскрытой знаменитости. Так, Мартын Эдельвейс с удивлением узнает, что его скромный друг Дарвин, «прервав университетское учение, ушел восемнадцати лет на войну, а недавно выпустил книгу рассказов, от которых знатоки без ума», что «он первоклассный боксер, что детство он провел на Мадере и на Гавайских островах и что его отец — известный адмирал» [Набоков, 2000, т. 3, с. 140]. Следует привести и высказывание Кончеева в финале романа «Дар»: «...но что-то уж очень много времени пройдет, пока тунгуз и калмык начнут друг у друга вырывать мое “Сообщение” под завистливым оком финна» [Набоков, 2000, т. 4, с. 517]. В произведениях писателя мотивы дара и бессмертия выполняют сюжетобразующую функцию.

Композиционная концепция романа «Лолита» предусматривает своеобразное встраивание в повествование мотива славы. Имя счастливого соперника Гумберта открывается только в финале произведения. Рассказчик, будучи уверен, что он Лолите “*offrait sa génie*” («предложил свой гений»), жестоко обманывается, поскольку гениальность героине была «предложена» Клэром Куильти, «единственным мужчиной, которого она безумно любила»: «Дело в том, что он видел насквозь... все и всех, потому что он не был, как я или она, а был гений» [Набоков, 2003, с. 337]. Клэр Куильти — медийное лицо, поэтому вся деятельность этого «американского Метерлинка» находится вне рассмотрения Гумберта, систематически игнорирующего массмедийное и масскультное пространство, в котором Клэр Куильти находится с Лолитой. Гумберт роковым для себя образом недооценивает своего соперника, что символически представлено в факте не случившегося вовремя «узнавания» Куильти, хотя «такое сенсационное имя» проходило перед глазами главного героя многократно с начала знакомства с Лолитой, в комнате которой висит рекламный постер с изображением селебрити: «Под этой картинкой была другая — тоже цветная фотография. На ней известный драматург самозабвенно затягивался папиросой “Дромадер”» [Там же, с. 89]. В творчестве Набокова содержится отсылка к истокам голливудской знаменитости, так как «согласно голливудскому мифу звездой становится тот, кто изначально несет в себе божью искру, кто имеет харизму и талант, неминуемо приводящие к славе» [Колпинец, 2016, с. 168].

Знаменитое имя: ассоциативно-смысловый объем понятия и функциональные характеристики

Знаменитость, как показано в набоковских романах, создает себе имя, которое утрачивает связь с физическим носителем и превращается в набор медийных значений. В информационной реальности имя переживает несколько трансформаций: обозначение человека — имидж — социальный стереотип — архетип. Имя Клэра Куильти — «сенсационное имя»; невесте Лужина его имя знакомо «так же определенно и так же смутно, как образ римского императора, инквизитора, скупца из комедии» [Набоков, 1999, т. 2, с. 355]; Мартыну Эдельвейсу как русскому льстит «влюбленность англичан в Чехова, влюбленность немцев в Достоевского». В сознании обывателя, как показывает Набоков, знаменитое имя перестает олицетворять значительное духовное наследие и превращается в клише. Этот процесс в аксиологической системе писателя часто подвергается сатирическому осмеянию. Можно привести характерную дискуссию об уникальности человеческого лица и сходстве некоторых людей с селебрити в романе В. Набокова «Отчаяние»:

«Всякое лицо — уникам», — произнес Ардалион.

<...>

«Но позвольте, при чем тут уникам? Ведь, во-первых, бывают определенные типы лиц, — зоологические, например. <...> А затем — типы знаменитых людей, — скажем, Наполеоны среди мужчин, королевы Виктории среди женщин. Мне говорили, что я смахиваю на Амундсена. Мне приходилось не раз видеть носы а ля Лев Толстой». <...>

«Вы еще скажите, что все японцы между собою схожи. Вы забываете, синьор, что художник видит именно разницу. Сходство видит профан. Вот Лида вскрикивает в кинематографе: Мотри, как похожа на нашу горничную Катю!»

<...>

«Но согласитесь, — продолжал я, — что иногда важно именно сходство».

«Когда прикупаешь подсвечник», — сказал Ардалион [Набоков, 2000, т. 3, с. 421].

Можно сравнить смысловую нагрузку данного диалога с недоумением талантливой актрисы Дорианны Карениной («Камера обскура»), которая никак не могла понять, каким образом ее псевдоним связан с именем Л. Н. Толстого.

Знаменитое имя может в то же время выступать символом девальвации роли, которое оно играет в социальной и культурной жизни сообщества, может в то же время выступать символом девальвации роли. Так, в объем понятия «знаменитость» входит образ лидера общественного мнения, продюцента информационной повестки дня, которая представляет собой совокупность нескольких тем, выступающих в массмедийном пространстве в определенный момент в качестве актуальных. Упоминание таких героев — фигурантов новостей — осуществляется в рамках иронического модуса. Например, политические обзоры в «Газете» редактора Васильева в перцепции Годунова-Чердынцева выглядят очевидным нарушением адекватности: «...в ложно умную, ложно занимательную игру вовлекались разнокалиберные символы: “пятерка кремлевских владык”, или “восстание курдов”, или совершенно потерявшие человеческий облик отдельные имена: Гинденбург, Маркс, Пенлеве, Эррио, — головастая э-оборотность которого [Эррио] настолько самоопределилась на столбцах васильевской “Газеты”, что грозила полным разрывом с первоначальным французом...» [Набоков, 2000, т. 4, с. 223]. Таким образом, имена рейхспрезидента Германии П. Л. фон Бенекендорфа унд фон Гинденбурга (1847–1934), дважды премьер-министра Третьей Республики П. П. Пенлеве (1863–1933), государственного и политического деятеля Э.-М. Эррио (1872–1957), философа и экономиста К. Маркса (1818–1883), значимые для конкретного социально-политического периода, не обладают славой «с точки зрения Вечности» — единственного маркера подлинной знаменитости.

У Набокова включенностью известных имен в «обывательский» дискурс обозначается саркастический модус. Марта и Франц, когда хотят убить Драйера, обращаются за «рецептами» к расхожим, почти мифологизированным клише: «Из энциклопедического словаря они узнали о ядах Локусты и Борджиа. <...> Тоффана продавала свою водицу в склянках с невинным изображением святого. Словно после благодушной понюшки, почихивала жертва министра Лэстера» [Набоков, 2000, т. 2, с. 236]. Сатирическим акцентом отмечена покупка Францем с уличного лотка «правдивой истории маркиза Бренвилле, знаменитого отравителя». Доктор, утешая Германа, допускает характерную оговорку: «...не в одной Германии убийцы, у нас есть свои Ландрю ¹,

¹ А. Д. Ландрю (1869–1922) — известный французский серийный убийца.

слава Богу, так что вы не единственный» [Набоков, 2000, т. 3, с. 513]. Жена Германа «ненавидит Ллойд-Джорджа, из-за него, дескать, погибла Россия. ...Немцам попадает за plombированный поезд (большевичный консерв, импорт Ленина)» [Там же, с. 410]. На стене в «неказистом ресторанчике», в котором Марта и Франц планируют убийство Драйера, висит олеография с изображением встречи Бисмарка с Наполеоном III. Таким образом, если знаменитость в набоковском мире явлена в обывательских представлениях о ней, ее значимость весьма сомнительна.

Сатирический акцент усиливается, если в медиаполе в ходе дискуссии стороны претендуют на знание и толкование Истины, но так и не приближаются к ее постижению. Вот как Набоков описывает состояние Лужиной, которая добросовестно старается ознакомиться с материалами прессы: «...чем внимательнее она читала газеты, тем ей становилось скучнее, и туманом слов и метафор, предложений и выводов заслонялась ясная истина, которую она всегда чувствовала и не могла выразить» [Набоков, 1999, т. 2, с. 445]. Важным для определения объема анализируемого концепта является соотнесение подлинной и ложной знаменитости. Как показывает писатель, путаницу в их определении, систематическую подмену понятий можно встретить у любого обывателя независимо от гражданства, происхождения, образа жизни и т. д.: «Он [Мартын] заметил, что всякий считает должным говорить с ним о России, выяснить, что он думает о революции, об интервенции, о Ленине и Троцком... Мартыну такие разговоры претили; небрежно взяв со стола том Пушкина, он начал переводить вслух стихи: “Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и в золото одетые леса”. Это возбуждало недоумение» [Набоков, 2000, т. 3, с. 138–139]. Диада «подлинная знаменитость / ложная знаменитость» реализует функцию характеристики персонажей, участвует в формировании эмоциональных сплавов произведений и обнаруживает аксиологические ориентиры автора.

Краеугольным камнем в реализации противостояния подлинной и ложной знаменитости становится образ Чернышевского, который «лишен малейшего понятия об истинной сущности искусства», однако «его читали, как читают богослужебные книги, и ни одна вещь Тургенева или Толстого не произвела такого могучего впечатления» [Набоков, 2000, т. 4, с. 453]. Те герои, которые начисто лишены способности постичь Истину, занимают нишу сатирического объекта. В саркастическом ракурсе, например, рассматриваются порождаемые чтением газет рассуждения о политике «бравурного пошляка» и антисемита Щеголева: «...мир, создаваемый им, получался каким-то собранием ограниченных, безъюрных, безликих, отвлеченных драчунов, и чем больше он находил в их взаимных действиях ума, хитрости, предусмотрительности, тем становился этот мир глупее, пошлее и проще» [Там же, с. 342]. О полном проникновении образа селебрити в систему представлений рядового обывателя свидетельствует и эпизод из «Камеры обскура»: «На левой странице была картинка: Грета Гарбо, гримирующаяся перед зеркалом. Кречмар мельком подумал: “Как странно, — случается катастрофа, а человек замечает какую-то картинку”» [Там же, т. 3, с. 287].

Аутсайдеры и «паразиты» славы

В объем понятия «знаменитость» входит также ассоциативно-семантический ряд аутсайдеров славы. Чернышевский, как характеризует его Годунов-Чердынцев, «уже знаменитый... как бы остается за кулисами своей деятельной, говорливой мысли» [Набоков, 2000, т. 4, с. 426]. Ироничным модусом окрашено повествование о путешествии Мартына Эдельвейса, встретившего «в коридоре норд-экспресса старого господина в черной мурмолке, которого отец шепотом назвал “писатель Боборыкин”» [Набоков, 2000, т. 3, с. 197].

Отсутствие упоминаний в медиа может служить признаком иссякшего таланта или бесталанности. О тесте Лужина-старшего, «сухом композиторе», «уж слишком молчали газеты». Как только деятельность героя утрачивает яркость и новизну, меньше становится медиаупоминаний. В конце жизни Чернышевский окружен «тишиной» и его «безнадежные попытки перекричать тишину» оцениваются как более тщетные, чем «попытки Лира перекричать бурю» [Набоков, 2000, т. 4, с. 470]: лидер общественного мнения превращается в «портрет давно забытого родственника» [Там же, с. 482].

В кабинете редактора Васильева на столе стоит портрет его дочери, «фильмовой неудачницы», и только единственная газета (газета отца) упоминает ее имя в кинохронике: «“наша талантливая соотечественница Сильвина Ли...”» — хотя никто не знал соотечественницы» [Набоков, 2000, т. 4, с. 248]. Фильм, в котором снимается Магда Петерс, в сущности, одноразовый, так как героиня совершенно лишена таланта, и ее незаметная в быту бездарность, отчетливо

выявляется в кинематографической реальности: «угловатая, неказистая», «с ртом, черным, как пиявка», «неуклюжая», «она была ужасна», «она была похожа на ее мать-швейцариху на свадебной фотографии» [Там же, с. 338]. Знакомый Годунова-Чердынцева писатель Буш (автор «философской трагедии», на утомительном чтении которой присутствуют писатели-эмигранты) «достал бумажник, из бумажника конверт, из конверта вырезку — бедненькую рецензию, появившуюся в рижской газетке» [Набоков, 2000, т. 4, с. 389]. Характерно недоумение Мартына Эдельвейса, которому его приятельница Алла Черносвитова в качестве любимых поэтов называет малоизвестных Поля Жеральди (1885–1983) и Виктора Гофмана (1884–1911), а кроме этого читает «Песни Билитис» (“Les Chansons de Bilitis”), модную, но совершенно незнакомую главному герою литературную мистификацию Пьера Луи, позиционирующуюся якобы как сборник античной эротической поэзии.

Герои в набоковском мире паразитируют на чужой медийности. Только благодаря сыну, Лужин-старший наконец дает интервью «провинциальным журналистам» и «об его скромной писательской славе» упоминается «в иностранных газетах». Свою будущую книгу он хочет написать о шахматном вундеркинде, и эта книга расценивается им как «сладостная награда за все неудачи, за все обманы славы» [Набоков, 1999, т. 2, с. 351]. Ярким примером паразитирующего на медийности является образ «шахматного опекуна» Валентинова, который занимался Лужиным, потому что это «феномен», «странное, уродливое явление», и «показывал его богатым людям как забавного монстра, приобретал через него выгодные знакомства», но, как только начал замечать, что шахматист постепенно утрачивает былую славу, нашел «новое развлечение в кинематографическом деле» [Там же, с. 358–359].

Длительность жизненного цикла произведения словно находит отражение в медиаполе, косвенно определяя меру одаренности автора. Так, про морскую свинку Чипи, нарисованную Горном, говорится, что «приблизительно в 1925 году размножилось по всему миру милое, забавное существо, — существо теперь уже почти забытое, но в свое время, т. е. в течение трех-четырёх лет, бывшее вездесущим...» [Набоков, 2000, т. 4, с. 253]. Яновский отмечает, что в имени Чипи присутствует игра слов: Cheery — это пискля, а Cheapy — дешевка [Яновский, 2009, с. 744].

Знаменитость в пространстве массмедиа

Заданность концепта «знаменитость» определяется образами массмедиа, участвующих в ретрансляции славы и создающих конкретному социальному субъекту имя. В XX веке массмедиа как совокупность «технологий» «внесли существенные изменения в коммуникацию человека с окружающим миром (как природным, так и социальным) и реорганизовали его способ мировосприятия и образ жизни» [Кузьмин, 2011]. Именно СМИ создают медийные феномены. В русскоязычных произведениях Набоков не использует слов «медиа» и «медийность», которые входят в общее употребление во второй половине века с возникновением информационного общества. Слово «медиа» в переводе с латинского означает «посредники», под ними «подразумевают средства массовой информации. Г. М. Маклюэн расширяет коннотации слова «медиа» и предлагает характеризовать ими любые сообщения, адресованные общественности [Маклюэн, 2007]. Слово «медийный» предполагает значения: «относящийся к деятельности средств массовой информации», «известный», «популярный», «часто упоминаемый в СМИ», «обсуждаемый». Медийность же в художественном мире Набокова, как отмечалось, порой играет роль аксиологической доминанты, выявляя не только ценностную ориентацию персонажа, но и общую концепцию произведения [Долгова, 2012]. Медиа не только широко распространены в набоковских романах в качестве образов мира вещей, но и, как правило, образуют энергетические «центры» в развитии сюжетных линий.

Таким центром в набоковском мире предстает кинематограф, ставший «одной из первых форм осмысления нового типа культуры, которая постепенно складывалась на рубеже XIX–XX вв.» [Антошина, 2010, с. 51]. Заглавие романа «Камера обскура» отсылает к названию оптического прибора, являющегося предшественником фотоаппарата и кинокамеры. Любопытно, что герои большинства набоковских романов систематически посещают кинематограф. Встреча Бруно Кречмара в романе «Камера обскура» с Магдой, сыгравшей роковую роль в его судьбе, происходит в кинематографе «Аргус»: «Далеко-далеко маячил образ фильмовой дивы. <...> Она не замечала, что в каком-то смысле гений ее судьбы — гений кинематографический» [Набоков, 2000, т. 3, с. 264]. Бывший «шахматный опекун» Лужина Валентинов работает в киноконцерне «Веритас» (лат. veritas — «истина»), и встреча с ним является последним ходом в «комбинации», приводящей шахматиста к самоубийству. Даже алгоритм своего самоубийства Лужин выбирает, ориентируясь на фото,

увиденное в киностудии «Веритас» у Валентинова («бледный человек... повис с карниза небоскреба — вот-вот сорвется в пропасть» [Набоков, 1999, т. 2, с. 459]). Герман Карлович, намечающий убийство своего, как ему кажется, «двойника» Феликса, утверждает, что он «фильмовый актер».

Мир прессы в романе «Дар» становится особой художественной подсистемой, в которой следует выделить мотив газеты. Александр Яковлевич Чернышевский, разыгрывая Годунова-Чердынцева по телефону, зачитывает опубликованную в газете рецензию на его стихи. Зина Мерц собирает напечатанные в газете стихи Кончеева и Годунова-Чердынцева. Последний так и «не мог дожидаться вечерней почты, с которой номер приходил, а покупал его за полчаса на улице и, бесстыдно, едва отойдя от киоска, ловя красноватый свет около лотков, разворачивал газету...» [Набоков, 2000, т. 4, с. 248]. Коллизии в романе связаны с газетной полемикой. Помимо упомянутой воображаемой критической заметки в романе, мы знакомимся с рецензиями на «Сообщение» поэта Кончеева, критическими отзывами на роман Годунова-Чердынцева, со статьями на политические темы и т. д.

Захват информационного поля прессы или кино в романах Набокова становится индикатором таланта, так как массмедиа чутко реагируют на все новое и необычное. Имя шахматиста Лужина (в сущности асоциального аутиста) попадает в прессу, и фабрикант из пансионата, ссылаясь на газету, сообщает о нем следующие сведения: «...знаменитый шахматный игрок. Приехал из Франции на турнир. Турнир будет в Берлине через два месяца. Если выиграет, то вызовет чемпиона мира. Отец у него умер недавно» [Набоков, 1999, т. 2, с. 353]. Именно в газетах Лужин вновь видит «шахматный отдел», который становится и его единственным смыслом жизни, и одновременно путем к гибели.

Стоит указать и на рассматриваемый нами ранее мотив «журнальчика» [Долгова, 2012(а)], являющегося компонентом «масскультиного дискурса» в романе «Лолита» [Липовецкий, 2008, с. 197]. Лолите свойственно пристрастие к развлекательному «журнальчику», который Гумберт пренебрежительно описывает как «пестрый» и «лубочный». С точки зрения главного героя, «журнальчик» выступает символом мира, в котором господствуют ложные стереотипы; он включен в алгоритм ошаблонивания и опошления, поскольку унифицирует образ жизни и систему представлений о ней. Характеристика героини неизменно отсылает читателя к журнальчику как к единственному и главному ее чтиву: «глубоко погруженная в лубочный кинематографический журнал» [Набоков, 2003, с. 171]; «повалилась на диван с пачкой старых иллюстрированных журналов» [Набоков, 2003, с. 217]; предложила, что «останется в постели с кучей иллюстрированных журналов...» [Набоков, 2003, с. 261]; после ее бегства Гумберт изымает из багажника автомобиля «давно накопившуюся кучу журнальчиков для подростков» [Набоков, 2003, с. 312]. Появление данного мотива служит знаком гумбертовского неприятия конкретной жизненной модели и результатом домысливания «шаблонной Лолиты». В трудностях общения с ней герой не видит собственной вины, но ошибочные представления, которые, как он считает, насаждает журнал, оказывается, на самом деле, принадлежат не Лолите, а ему самому; все его оценки и определения, часто высказываемые тоном, лишенным естественности, по «незнанию человеческих эмоций», невниманию, становятся в конечном итоге ложными или иллюзорными. Подобное восприятие «журнальчика», ориентированного на стереотипы и ценности массовой культуры, ведут Гумберта к провалу. В ментальную ловушку попадает и Герман Карлович, до последней строки своей исповеди уверенный, что «досужие борзописцы, поставщики сенсаций, негодяи, строящие свои балаганы на крови» [Набоков, 2000, т. 3, с. 516], дают ему, совершившему убийство, о чем известно читателю, неверную оценку.

Таким образом, Гумберт, испытывая в финале романа рефлексии и запоздалое раскаяние, словно начинает смотреть на мир глазами девочки и видит дом Куильти сквозь призму повести «Тревоги Отрочества», опубликованной в одном из Лолитиных журнальчиков» [Набоков, 2003, с. 357].

В художественном мире Набокова фиксируется дуалистическая природа массмедиа. СМИ служат проводником унифицированных представлений, олицетворяющих такой сатирический объект, как пошлость. В то же время медийность превращается из сатирического объекта в признак дара, в «продленный призрак бытия», соотносится с бесконечным жизненным циклом шедевра и бессмертной славой его создателя, который «все равно когда, через сто, через двести лет» будет «жить... в своих книгах или хотя бы в подстрочном примечании исследователя» [Набоков, 2000, т. 4, с. 526].

Заключение

Компонентами персониферы в романах Набокова выступают героини-знаменитости, творцы, являющиеся носителями сакрального знания, которое позволяет им создавать нечто, живущее в веках. Знаменитость находится в центре обсуждения, она присутствует в информационном пространстве, не перестает инициировать инфоповоды, создает своему носителю имя, которое трансформируется от обозначения человека до архетипа.

Чрезмерное абстрагирование от изначальной смысловой наполненности имени знаменитости, свойственное обывателю, в аксиологической парадигме писателя девальвировано. В объем понятия «знаменитость» входит образ продуцента информационной повестки дня. Упоминание фигурантов новостей осуществляется в рамках иронического модуса. В эмоциональном сплаве появляется сатирический акцент, если в медиаполе находится дискуссия, стороны в которой претендуют на знание и толкование Истины, но так и не приближаются к ее постижению. В объем понятия «знаменитость» входит также ассоциативно-семантический ряд аутсайдеров славы, несостоявшихся знаменитостей.

Заданность концепта «знаменитость» определяется образами массмедиа, участвующих в ретрансляции славы и создающих конкретному социальному субъекту имя. Массмедиа обладают дуалистической природой, что позволяет им, с одной стороны, предельно обесценить знаковые явления реальности, с другой — послужить средствами адекватной репрезентации дара.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Набоков В. В. Король, дама, валет // Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина. — Т. 2. — СПб. : Симпозиум, 1999. — С. 128–305.
2. Набоков В. В. Защита Лужина // Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина. — Т. 2. — СПб. : Симпозиум, 1999. — С. 306–465.
3. Набоков В. В. Лолита // Собр. соч. американского периода : в 5 т. : пер. с англ. — Т. 2. — СПб. : Симпозиум, 2003. — С. 11–376.
4. Набоков В. В. Подвиг // Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина. — Т. 3. — СПб. : Симпозиум, 2000. — С. 94–249.
5. Набоков В. В. Камера обскура // Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина. — Т. 3. — СПб. : Симпозиум, 2000. — С. 250–393.
6. Набоков В. В. Отчаяние // Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина. — СПб. : Симпозиум, 2000. — Т. 3. — С. 394–527.
7. Набоков В. В. Дар // Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина. — Т. 4. — СПб. : Симпозиум, 2000. — С. 188–541.
8. Ronsard P de. Sonnets pour Hélène // Études littéraires. — URL : <https://www.etudes-litteraires.com/ronsard-sonnets-pour-helene.php> (дата обращения: 20.03.2020).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антошина Е. В. Сюжет романа В. В. Набокова «Король, дама, валет» и эстетика массовой культуры // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск : Ин-т филологии Сиб. отд-ния РАН. — 2010. — № 2. — С. 51–58.
2. Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы: биография : пер. с англ. — СПб. : Симпозиум, 2010. — 950 с.
3. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 256 с.
4. Голикова Т. А. Концепт «творчество» в поэзии В. В. Набокова // Русский язык в школе. — 2012. — № 2. — 54–58.
5. Головинёва Ю. В. Концепт “Delicious Dissolution” в незавершенном романе Набокова “The original of Laura” // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — 7 (148). — С. 197–203.
6. Долгова Н. В. Медийность в аксиосфере сатиры В. В. Набокова // Современные подходы к изучению и преподаванию русской литературы и журналистики XX–XXI веков : материалы XVII Шешуковских чтений. — М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2012. — С. 151–156.
7. Долгова Н. В. Мотив «журналистика» в сатирическом дискурсе романа В. В. Набокова «Лолита» // Актуальные проблемы современной науки. Научная сессия «XIV Невские чтения» : материалы научных конференций. — СПб. : Скифия-принт, 2012(а). — С. 52–56.
8. Долинин А. Примечания // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. — СПб. : Симпозиум, 2004. — Т. 4. — С. 634–768.

9. Колпинец Е. Фигура из пустоты: селебрити как феномен цифровой повседневности // Логос. — 2016. — Т. 26. — С. 161–188.
10. Кузьмин А. М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Медиаскоп : электр. науч. журн. МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2011. — № 1. — URL : <http://www.mediascope.ru/node/765> (дата обращения: 20.03.2020).
11. Липовецкий М. Н. Аллегория Другого: «Лолита» В. Набокова // Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. — М. : Новое лит. обозрение, 2008. — С. 180–218.
12. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения : в 2 т. / отв. ред. Д. П. Николаев. — М. : Наследие, 1997. — Т. 1. — С. 33–42.
13. Маклюэн Г. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. — М. : Гиперборей : Кучково поле, 2007. — 464 с.
14. Скопечная О. Примечания / Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. — СПб. : Симпозиум, 2004. — Т. 2. — С. 705–717.
15. Тарасова И. А. Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы Междунар. школы-семинара V Березинских чтений. — М. : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. — Вып.15. — С. 262–267. — URL : <http://acta-linguistica-et-poetica.blogspot.com/2009/10/blog-post.html> (дата обращения: 18.03.2020).
16. Чернявская Н. А. Концептосфера художественного текста как отражение авторской модели мира (на материале лирики В. В. Набокова) // Вестник Самарского государственного университета. — 2009. — № 5 (71). — С. 87–92.
17. Яновский А. Примечания / Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. — СПб. : Симпозиум, 2000. — Т. 3. — С. 742–754.

Сведения об авторе

Долгова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: комическое, сатира, история русской литературы XX века, взаимодействие литературы и журналистики.

Контактная информация: тел.: 8 (4912) 25-23-79; e-mail: n.dolgova@365.rsu.edu.ru

N. V. Dolgova

The Concept of Celebrity in V. V. Nabokov's Russian Novels *

The article analyzes associations and meanings evoked by the concept of celebrity in V. V. Nabokov's Russian novels where the author uses the motif of celebrity. The relevance of the research is accounted for by the necessity to investigate meaningful characteristics of the concept in the informative reality of a literary text. The aim of the research is to identify the notion of celebrity. A celebrity is a character capable of creating immortal works. Such characters remain famous through generations, remain famous even when political and cultural paradigms change. The research maintains that a celebrity is the center of attention and stimulates discussion. The concept of celebrity is shaped by mass-media which participate in creating popularity. In Nabokov's novels there are a lot of images of magazines, cinemas, radios, which help develop the plot. The article analyzes the influence of the concept of celebrity on the formation of values and emotions. In a humorous and satirical way, Nabokov shows that being involved in the cross-fire of discussions, assessments and pseudo-righteous judgements, famous people participate in everyday activities. However, the role of mass media in Nabokov's stories is highly ambivalent. Characters who lack ingenuity and talent are forgotten by society, while other characters whose works are remembered are considered talented.

The results of the research can be used to study literature of the 20th century, the peculiarities of Nabokov's works and the relationship between literature and journalism.

Nabokov V. V.; concept; literature of the 20th century; mass-media; media; motif; celebrity; literary world

* Dolgova N. V. The Concept of Celebrity in V. V. Nabokov's Russian Novels. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 2 (67), pp. 115–128. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.012>

SOURCES AND ABBREVIATIONS

1. Nabokov V. V. King, Queen, Knave. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 1999, vol. 2, pp. 128–305. (In Russian).
2. Nabokov V. V. The Luzhin Defense. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 1999, vol. 2, pp. 306–465. (In Russian).
3. Nabokov V. V. Lolita. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2003, vol. 2, pp. 11–376. (In Russian).
4. Nabokov V. V. Glory. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 3, pp. 94–249. (In Russian).
5. Nabokov V. V. Camera Obscura. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 3, pp. 250–393. (In Russian).
6. Nabokov V. V. Despair. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 3, pp. 394–527. (In Russian).
7. Nabokov V. V. Gift. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. Artemenko-Tolstoj N. (comp.). St. Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 4, pp. 188–541. (In Russian).
8. Ronsard P de. Sonnets pour Hélène. *Études littéraires*. Available at : <https://www.etudes-litteraires.com/ronsard-sonnets-pour-helene.php> (accessed: 20.03.2020). (In French).

REFERENCES

1. Antoshina E. V. The Plot of V. V. Nabokov's Novel "King, Queen, Knave" and the Aesthetics of Popular Culture. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Affiliate of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, no. 2, pp. 51–58. (In Russian).
2. Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskije gody: biografija* [Vladimir Nabokov. The American Years]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010, 950 p. (Transl. from English).
3. Volodina N. V. *Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedenija* [Concepts, Universals, and Stereotypes in the Sphere of Literary Studies]. Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2010, 256 p. (In Russian).
4. Golikova T. A. The Concept of "Creativity" in V. V. Nabokov's Poetry. *Russkij jazyk v shkole* [The Russian Language at School]. 2012, no. 2, pp. 54–58. (In Russian).
5. Golovnjova Ju. V. The Concept of "Delicious Dissolution" in Nabokov's Incomplete Novel "The Original of Laura". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2014, 7 (148), pp. 197–203. (In Russian).
6. Dolgova N. V. Media in the Axiosphere of V. V. Nabokov's Satire. *Sovremennye podhody k izucheniju i prepodavaniju russkoj literatury i zhurnalistiki XX–XXI vekov: materialy XVII Sheshukovskih chtenij* [Modern Approaches to the Investigation and Teaching of Russian Literature and Journalism of the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 17th Sheshukov Readings]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 151–156. (In Russian).
7. Dolgova N. V. The Motif of a Magazine in the Satire of V. V. Nabokov's "Lolita". *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki. Nauchnaja sessija «XIV Nevskie chtenija»: materialy nauchnyh konferencij* [Relevant Issues of Modern Research. The 14th Neva Readings: Proceedings of a Research Conference]. St. Petersburg, Skifia-print Publ., 2012(a), pp. 52–56. (In Russian).
8. Dolinin A. Notes. *Nabokov V. V. Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [Nabokov V. V. A Collection of Russian Novels: in 5 vols.]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2004, vol. 4, pp. 634–768. (In Russian).
9. Kolpinec E. A Shape in the Void: Celebrity as a Phenomenon of Digital Routine. *Logos* [Logos]. 2016, vol. 26, pp. 161–188. (In Russian).
10. Kuz'min A. M. The Category of Media and its Content at the Current Stage of Society Development. *Mediaskop* [Mediascope]. 2011, no. 1. Available at : <http://www.mediascope.ru/node/765> (accessed: 20.03.2020). (In Russian).
11. Lipoveckij M. N. The Allegory of the Other: "Lolita" by V. V. Nabokov. *Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-h godov* [Paralogies: Transformations of Postmodernist Discourse in the Russian Culture of the 1920–2000s]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2008, pp. 180–218. (In Russian).
12. Lihachjov D. S. The Concepts of the Russian Language. *Osvobozhdenie ot dogm. Istorija russkoj literatury: sostojanie i puti izuchenija: v 2 tomah* [Getting Freed of Dogmas. History of Russian Literature: Present State Investigation: in 2 vols.]. (Ed.) Nikolaev D. P. Moscow, Heritage Publ., 1997, vol. 1, pp. 33–42. (In Russian).
13. McLuhan H. *Ponimanie Media: vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Hyperborea Publ., Kuchkovo Field Publ., 2007, 464 p. (In Russian).

14. Skonechnaja O. Notes. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [Nabokov V. V. A Collection of Russian Novels: in 5 vols]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2004, vol. 2, pp. 705–717. (In Russian).

15. Tarasova I. A. Image or Concept? To the Issue of the Author's Consciousness. *Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa: psiholingvisticheskiy i kognitivnyj aspekty: materialy Mezhdunarodnoj shkoly-seminara V Berezinskih chtenij* [Language Being of Man and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive Aspects: Proceedings of the 5th Berezin Reading (an International Masterclass)] Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., Moscow State Linguistic University Publ., 2009, iss. 15, pp. 262–267. Available at : <http://acta-linguistica-et-poetica.blogspot.com/2009/10/blog-post.html> (accessed: 18.03.2020). (In Russian).

16. Chernjavskaia N. A. The Concept Sphere of a Literary Text as a Reflection of the Author's World View (illustrated by the example of V. V. Nabokov's Poetry). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. 2009, no. 5 (71), pp. 87–92. (In Russian).

17. Janovskij A. Notes *Nabokov V. V. Sobranie sochinenij russkogo perioda: v 5 tomah* [Nabokov V. V. A Collection of Russian Novels: in 5 vols]. (Comp.) Artemenko-Tolstoj N. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 3, pp. 742–754. (In Russian).

Information about the author

Dolgova Natalya Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Journalism at the Faculty of Russian Philology and National Culture at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: humor, satire, history of Russian literature of the 19th century, relationship between literature and journalism.

Contact information: Phone No.: 8 (4912) 25-23-79; e-mail: n.dolgova@365.rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 25.03.2020

Received 25.03.2020